

© М.С. Великанова

О СОЗДАНИИ ОДНОЙ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ (СОКРАЩЕННЫЙ ВАРИАНТ РУКОПИСИ «МОЛДАВСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ»)

В предлагаемом очерке излагаются перипетии сбора уникальной палеоантропологической коллекции с территории Прутско-Днестровского междуречья, хранящейся в Кабинете антропологии ЦФА ИЭА РАН; описываются отдельные эпизоды становления молдавской археологии – события, начавшиеся более полувека тому назад и продолжавшихся в течение 25 лет. Яркие бытовые подробности работы в археологических экспедициях и результаты палеоантропологических исследований, рисующие формирование антропологических особенностей населения Молдавии и как полученные данные отражают этногенетические процессы, составляют содержание очерка.

Ключевые слова: Молдавия, Прутско-Днестровское междуречье, палеоантропология, археологические культуры: трипольская, черняховская; скифы, сарматы, славяне, молдаване, буджакские татары

Молдавия возникла в моей жизни неожиданно. Шел первый год моей лаборантской работы в Отделе антропологии Института этнографии у Георгия Францевича Дебеца. Когда я закончила его первое задание (приведение в порядок экспедиционных материалов Отдела), Георгий Францевич повел меня в Институт антропологии МГУ, в подвальчик на улице Герцена, хорошо знакомый по студенческим занятиям анатомией. Там мне предстояло реставрировать черепа II–IV века из могильника черняховской культуры у села Малаешты в Молдавии. Это был мой первый опыт реставрации, т. е. воссоздания целостности черепа путем склейки восковой мастикой множества фрагментов, на которые он был раздавлен землей. При консультации мастера этого искусства, художницы Музея антропологии Наталии Ивановны Ильенко, дело постепенно одолелось. Георгий Францевич мог приступить к работе с возникшей в результате «серией», как у нас было принято называть группу черепов из определенного памятника.

Но провести необходимые измерения было поручено тоже мне. В очерке 1996 года, посвященном памяти моего учителя, я написала о своем тогда паническом состоянии при проверке Георгием Францевичем правильности моих цифр и об удивительной его прозорливости в выявлении неточностей... (Великанова 1996: 12–29).

И опять это не было окончанием подготовки материала для работы шефа. Но Георгий Францевич всегда поражал своими неожиданностями. Бланки измерений он оставил мне с коротким приказанием: «Теперь напишете статью». Так техническая лаборантская работа (хотя в чем-то и творческая) неожиданно для меня и по доброй воле шефа перетекла в исследовательскую. Изучение древнего населения молдав-

---

Великанова Марина Святославовна – к.и.н., бывший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: velmars@yandex.ru. **Marina S. Velikanova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. E-mail: velmars@yandex.ru

ских земель, которого до того практически не проводилось, стало моим многолетним уделом. За что я всегда благодарна своему учителю и руководителю.

Теперь мне предстояло встретиться и познакомиться с автором раскопок Георгием Борисовичем Федоровым¹, исследователем молдавских археологических недр, руководителем Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции и организатором, по сути – создателем археологического сообщества и соответственного отдела в Молдавском филиале Академии наук... Я ушла от Г.Б. обогащенная возникшим в результате этой встречи серьезным интересом к древней истории неведомой мне до этого молдавской земли (географически она звучала как Прутско-Днестровское междуречье).

Началась моя работа с антропологическими, археологическими и историческими источниками, связанными с черняховской культурой, все было для меня внове. Блестящая и яркая культура оседлых земледельцев, она самым тесным образом была связана с проблемами этногенеза восточноевропейского населения и составляла один из важнейших этапов древней истории области. Племена черняховской культуры в начале нашей эры населяют весь юго-запад нашей страны. Вопросы происхождения и этнической принадлежности культуры оставались одними из далеко не решенных и спорных. Вполне понятен был большой интерес к всестороннему, в том числе антропологическому, исследованию черняховцев.

Статью начала писать, досадуя на малочисленность малаештской серии – всего 12 черепов. Но не успела кончить, как пришли новые материалы той же культуры из Молдавии, на этот раз из раскопок Эммануила Абрамовича Рикмана², работающего там в республиканской Академии наук. Опять засела за реставрацию, радуясь прибавлению материала. Но присланным он не ограничивался! Приехавший в Москву в командировку Эммануил Абрамович сообщил, что раскопки в Будештах будут продолжаться, и пригласил меня участвовать в них, чтобы сборы антропологического материала велись наиболее правильно и продуктивно.

И вот я, проведя часть лета в Русской антропологической экспедиции В.В. Бунака, после ряда переговоров и переписки с Рикманом, в августе впервые отправилась в Молдавию. В Кишиневе первым делом, как полагается, иду в канцелярию Академии наук, чтобы отметить командировку. Там смотрят на меня с недоумением и замешательством, и наконец, объявляют, что я не должна была приезжать, была отправлена телеграмма, что раскопки у Рикмана прекращены. Вот таким неожиданным и жестоким ударом встретила меня Молдавия! К счастью, я не посчитала это дурным предзнаменованием и не рассталась с ней после этого.

Рикман был на других, внезапно возникших раскопках. Через пару дней он был в Кишиневе, мы встретились, он был растерян, видя мою убитость, и не мог придумать ничего другого, как предложить мне самостоятельно, в одиночку, провести начатые в Будештах раскопки. Не зная, что мне предстоит, я ни минуты не раздумывая, конечно, согласилась.

¹ Федоров Георгий Борисович (1917–1992) – археолог, д-р ист. наук, популяризатор науки, писатель, член Союза писателей СССР. В Институте археологии АН с 1945 по 1986 г. Основположник археологической науки в Молдавии, впервые открыл в регионе славянские памятники.

² Рикман Эммануил Абрамович (1923–1987) – археолог и этнограф, д-р ист. наук. В 1952–1968 гг. научный сотрудник Института истории АН МолдССР, затем работал в Институте этнографии АН СССР. Основные труды по этнической истории населения Поднестровья в первые века нашей эры.

Дня три Эммануил Абрамович провел со мной в Будештах, вводя в курс дела. Распущенных рабочих вернули. Раскопки велись на территории МТС, расположенной на широком открытом полевым пространстве. Село Будешты было где-то далеко. Я жила, вернее, ночевала в большом машинном сарае, раскладушка с привезенным с собой спальным мешком стояла среди тракторов, комбайнов и прочего. Вокруг МТС ни деревца, ни кустика. Был так называемый буфет, где можно было купить хлеб, помидоры (3 коп. за кг!), какое-то вино. И всё. Поскольку Будешты были недалеко от Кишинева – около 10 км – и на попутке можно было быстро добраться до него, Рикман никакого питания для себя и сотрудников не организовывал. Вечерами все уезжали домой и утром возвращались.

Я же была загружена работой, казалось, на все сутки. Вела раскопный дневник, где подробно описывала каждое погребение с массой измерений, все находки, фотографировала, зарисовывала на миллиметровке в деталях весь скелет. Потом осторожно должна была снять с земли все фрагменты – как правило, черепа были разбиты, почистить и завернуть так, чтобы еще больше не разрушились при транспортировке, затем все принести и уложить в ящики около моей раскладушки... А, ведь мало того, что это был мой первый опыт подобной самостоятельной работы, я вообще впервые увидела раскопки могильника! Как только Рикман решился, был ведь риск и для него. Но, правда, был и «профит»...

Мой рабочий день начинался почти с рассветом – пока нет жары; когда рабочие уходили – он продолжался и кончался уже с наступлением темноты. Освещения ни на территории, ни в машинном сарае не было. Почти не успевала писать письма домой, обычно же из экспедиций я посылала подробные, длинные рассказы-отчеты. Хорошо было то, что не было проблем с рабочими. Это были почти дети – подростки-школьники, зарабатывали таким образом свои небольшие рубли. В те годы молдавское село было еще очень патриархальным, ребята с ранних лет приучались к труду и воспитывались в уважении и почитании старших, это и определяло их поведение на раскопе.

Выбраться в Кишинев на неделе я не могла, но в выходной сделать это было необходимо – на хлебе с помидорами я существовала лишь надеждой на воскресенье. Шоссе проходило рядом, попутки – только грузовики, легковых почти не было – шли не потоком, но дождаться было можно. Водители охотно сажали в кабину, получали за это рубль, от которого иногда и отказывались. Относились всегда очень уважительно. Вообще, надо сказать что за много лет работы в Молдавии я ни разу не испытала ни малейшей ситуации, где мне было бы неприятно, страшно, опасно. А было ведь и долгое возвращение пешком ночью, ночевки с незапирающейся дверью в незнакомом месте, общение с неведомыми личностями и многое другое. Вкупе с основным, с чем встретила в Молдавии – всесторонней помощью в работе, общением с интересными людьми, гостеприимством на всех уровнях, – все это оставило самую теплую и добрую память об этом крае и моих 25-ти годах там.

Возвращаюсь к поездке в Кишинев. Приехав в город, тут же бежала по главной улице, конечно, улице Ленина, в «Кафе молочное», где готовили всевозможные каши и творожные изделия. Набрасывалась на всё, но к сожалению, быстро наедалась, запастись на неделю не получалось. Покупать и брать с собой было невозможно из-за жары. После кафе на очереди была баня. Но стирать на МТС было можно – стояла водяная колонка. Кстати, около этой колонки, пока я умывалась, утащили мои снятые часы, пришлось жить по солнцу, наугад давать рабочим перерыв – полагалось

каждый час отдыхать десять минут – по-молдавски звучало, кажется «репауз». Ребята по моей просьбе учили меня молдавскому языку, весело смеялись над ошибками.

При всех трудностях моего боевого археолого-раскопчного крещения я радовалась тому, что будущая серия пополняется, и это меня замечательно мирило со всеми проблемами, и я была несмотря ни на что благодарна сложившимся обстоятельствам. Проблемы, вместе с раскопками кончились неожиданно. Приехал Рикман и объявил, что деньги на исходе и работа прекращается...

После завершения всех раскопчных дел, я вернулась в Кишинев, в Академии встретила Георгия Борисовича. Узнав, что я уже свободна, а командировка еще не кончилась, он безоговорочно забрал меня «на отдых» в свой лесной лагерь в Алчедаре, где он раскапывал славянское городище.

Алчедар находился довольно далеко к северу от Кишинева. Палаточный экспедиционный лагерь располагался в замечательном месте – в светлом лиственном молодом лесу. Рядом – долина с ручьем, за ним – городище, объект работы. В 2-3 км отсюда протекал Днестр. Мне выделили отдельную маленькую палатку с раскладушкой. Спать в лесном окружении, вдыхая лесной воздух и под пение птиц на рассвете, было роскошно. Да и днем после будущей МТС отдыхалось в полной мере. Познакомилась с обитателями лагеря, с главными помощниками Георгия Борисовича. Все трое – Ваня Хынку¹, Юра Чеботаренко и Павел Бырня² были его учениками – проходили аспирантуру в Москве.

Я провела в алчедарском лагере несколько прекрасных дней, бродила по незнакомому южному буко-грабовому лесу, по долине. Археологи показывали мне городище, его устройство, находки. Немного помогала, мыла керамику. А вечерами все долго сидели за длинным обеденным столом под навесом, и Георгий Борисович тогда блистал своим неиссякаемым потоком интереснейших рассказов о людях, событиях, прошлых годах...

Вернувшись в Москву, я довольно быстро справилась с реставрацией, измерением и статистической разработкой новых материалов, поэтому вскоре могла сесть за исследование полученных данных. Общая численность была уже вполне представительна, значит выводы могли быть достаточно надежными. Они были таковы: выяснилось, что население черняховской культуры Прутско-Днестровского междуречья антропологически было не вполне однородным: к основному пласту, представленному средиземноморским типом, в небольшом количестве примешан брахикранный элемент, близкий к типу некоторых сарматских групп. То обстоятельство, что черепа этого типа встречаются преимущественно в могилах с сарматским обрядом погребения, делало вполне вероятным заключение и об этнической неоднородности черняховского населения, с включением в его состав сарматского компонента. Что же касается основного средиземноморского пласта, то с большой вероятностью можно было предполагать его местное фракийское происхождение. Вопрос о готской – германской принадлежности черняховцев,

¹ Хынку Иван Георгиевич – молдавский археолог-медиевист. Работал в Отделе археологии ин-та истории АН МолдССР, в 1975-1977 гг. заведовал Отделом. С 1996 г. руководил раскопками средневекового города Старый Орхей.

² Бырня Павел Петрович (1930–2002) – молдавский археолог-медиевист. Окончил исторический факультет Кишиневского ун-та, аспирантуру в Московском ин-те археологии, работал в Отделе археологии Института истории АН МолдССР. С 1987 г. доктор ист. наук, с 1995 г. зав. Отделом, с 1999 г. декан ф-та культурной антропологии и проректор по науке Ун-та «Высшая антропологическая школа».

утверждаемой некоторыми историками, решался для данной территории отрицательно. Не обнаружена также генетическая связь со средневековыми славянами региона.

Написанная статья была одобрена Георгием Францевичем, хотя первую, вводную, страницу он всю при мне исчеркал красным карандашом, но объяснил при этом, увидев мой убитый вид, что делает это только потому, что статья хорошая, на плохую он бы времени не тратил. Под скромным названием «Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии» статья вышла в 1961 году в серии «Труды института этнографии» (*Великанова* 1961: 26–52). Было приятно оделять молдавских археологов и заинтересованных московских антропологов отгисками статьи, тогда издательство давало их щедро.

Так состоялось мое знакомство с Молдавией и вполне удачный научный дебют, связанный с нею. Теперь было уже ясно, что от Молдавии мне не уйти. Да я и не собиралась. И когда поступала в аспирантуру, то раздумий о теме не было, конечно, «Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья». Хотя это было несколько рискованно: материал диссертации в основном лежал ещё в земле и по аспирантскому плану извлечен из нее быть не мог. Да и было еще непонятно – лежал ли. Но я знала и верила в археологическое богатство молдавской земли и была готова ждать.

Однако ждать нового материала после черняховского мне пришлось недолго. Получила его как подарок, уже в готовом виде, т. е. отреставрированном. Небольшую сарматскую серию из Бокан передала мне Т.С. Сурнина, сотрудница Лаборатории пластической реконструкции под руководством М.М. Герасимова, ей было не вполне удобно отвлекаться от ее главной работы. А заведующий лабораторией Михаил Михайлович по своему доброму побуждению отдал мне собственноручно собранные на раскопках в Молдавии и отреставрированные поздне-трипольские черепа из Выхватинского могильника, исследованного известным археологом Т.С. Пассек¹. Я была благодарна всем, и новая работа началась.

С Татьяной Сергеевной Пассек я была уже знакома. Она заканчивала работы в Молдавии в тот год, когда я начинала свои и бывала в Кишиневе одновременно с ней. Обоих москвичек тогда приглашал в гости бывший москвич Рикман. Мои воспоминания делятся между вкусной едой на столе и впечатлением от гостыи. Она была необыкновенно хороша, красива, несмотря на уже далеко не юные годы. У этой красоты возраста не было. Ярко-синие глаза, при темных волосах были, может быть, основным акцентом, создающим неповторимость ее внешнего образа. Это лицо я знала ещё в свои школьные годы: в 1949 году Татьяна Сергеевна получала сталинскую премию одновременно с моей мамой, их портреты были помещены в газете на одной странице. Теперь я любовалась Татьяной Сергеевной уже в «цвете».

Она интересовалась антропологией, антропологами, многих из старшего поколения хорошо знала, так что и я могла участвовать в общем разговоре. Но тогда ещё речи о моей работе с трипольцами, естественно, не шло. Когда же эта работа началась, Татьяна Сергеевна постоянно спрашивалась о её ходе.

Антропология трипольского населения интересовала многих, и мне было предложено сделать доклад о моих результатах на ежегодной выездной археолого-этнографи-

---

¹ Пассек Татьяна Сергеевна (1903–1968) – археолог, одна из ведущих специалистов по неолиту, энеолиту и бронзовому веку Восточной Европы. Д-р ист. наук, работала в Институте археологии АН. С 1934 г. возглавляла Трипольскую экспедицию, основные труды посвящены трипольской культуре.

ческой сессии в Киеве весной 1961 года. А я никак не могла закончить исследование, хотя уже сделанное было одобрено Георгием Францевичем. За одобрением ездила к нему в какой-то пансионат под Нарой, где он работал в тиши лесов, отдыхая от московских дел и общений, хотя, как оказалось, уже и скучал без Москвы – неожиданно обрадовался моему приезду, не скрывая этого, что было совсем на него не похоже.

Но у меня была проблема с некоторыми сравнительными данными – нигде не могла найти старые польские журналы с нужными публикациями. Между тем, эти материалы были бы мне довольно полезны. Проверяла все возможности, всё безрезультатно. Наконец, сердобольная библиотекарьша из небольшой академической библиотеки в переулке рядом с нашим институтом на ул. Фрунзе взялась «прошерстить» какое-то хранилище архивов, но время уходило, и мне с недоделанным, на мой взгляд, докладом, пришлось скрепя сердце уезжать в Киев.

Выезды на ежегодные сессии были всегда если не праздником, то хорошей отдушиной в нашем существовании, и все эти выезды любили. Так было и в этот раз. Весенний Киев встречал теплом, солнцем, гостеприимством и дружелюбием хозяев. Мой доклад был намечен на последние дни, и я в свободные минуты вместе с другими наслаждалась всем этим, хотя и с некоторой внутренней занозой.

Уезжая, я на всякий случай оставила поручение узнавать о моем библиотечном заказе, без особой, впрочем, надежды. Вдруг – о чудо! – получаю на главпочтамте в виде огромных фототелеграмм таблицы по нужным польским памятникам. Бросаю слушать все интересные доклады, сижу два дня в скверике, тужусь над завершением своего детища и наконец, облегченно вздыхаю. Конечно, никто бы не заметил недоделки в моей работе, но я-то о них знала... Доклад прошел вполне успешно... Когда статья по трипольцам была написана, я поспешила передать ее Татьяне Сергеевне, и была приглашена на обсуждение к ней домой, где встретила ее в окружении целого венка дам весьма почтенного возраста. Они прислушивались к нашему разговору и особенно оживились и наострили ушки, когда Татьяна Сергеевна спросила, что означает понятие «половой диморфизм», которое использовалось в статье. Узнав, что это всего-навсегда морфологическое различие в строении скелета у мужчин и женщин, тетушки были, кажется, разочарованы. А статью Татьяна Сергеевна поместила как приложение в свою книгу о трипольских племенах Поднестровья, которая уже была в издательстве, поэтому статья вышла очень быстро, одновременно с черняховской (Великанова 1961: 213–226).

Основным выводом исследования было утверждение об антропологической общности энеолитического трипольского населения Прутско-Днестровского междуречья с населением эпохи энеолита балкано-дунайской области, причем эта общность возникла и существовала уже в более ранние периоды. Возможным оказывалось также влияние со стороны племен эпохи бронзы Днепровского правобережья. Полученные результаты согласовывались с данными археологии и давали дополнительное подтверждение. Забавно, но позже трипольцы привели меня, в качестве участника, на ВДНХ. В.И. Маркевич¹, молдавский археолог, специалист по ранним этапам истории Пруто-Днестровья, принимал участие в организации одного из отделов выставки – что-то вроде «Древние охотники и земледельцы». Не предупредив меня, выставил там мою книгу, за которую я и получила медаль! Узнала об этом, когда медаль с документами прислали в Институт.

¹ Маркевич Всеволод Иванович – молдавский археолог, специалист по ранним этапам истории региона.

Итак, два периода истории Прутско-Днестровского междуречья были охвачены. С этими двумя я и поступила в аспирантуру. Рассчитывать на защиту в срок не приходилось, добывать предстояло еще много – нужен был ряд материалов, коллекция, более или менее равномерно во времени отражающая антропологически статистику и динамику населения территории.

В наступающем сезоне в Молдавии могильники не раскапывались, поэтому было решено в качестве завершающего звена для будущей коллекции собрать современную серию, для чего я смогу самостоятельно раскопать какое-нибудь старое заброшенное кладбище. Была пара неудачных попыток, из которых особенно запомнилась одна – Спеш, в восточной части Молдавии. Почвенные условия там были таковы, что в могилах сохранялись волосы, меховые шапки и в то же время разрушалась полностью затылочная область черепа. И то, и другое делало раскопки невозможными. А меня уже, забросив туда на машине, оставили одну на неопределенное время. Хозяева дома и рабочие плохо знали русский, занять себя было совершенно нечем, какие-то дни я провела в тоске, выходя вечерами на шоссе рядом с селом и мечтая увидеть среди проезжающих машин федоровскую «Победу», на которой он всегда приезжал в Молдавию. А потом, запаковав единственный целый череп в бумагу и перевязав веревочкой, с этим единственным грузом (чемодан и спальный мешок оставила у хозяев) отправилась на перекладных в Алчедар – за помощью...

Помощь пришла – Павел Бырня знал ещё один объект, который оказался более надежным, и организовал там и мою работу, и мой быт. Это было на севере Молдавии, у села Варатик. Старые могилы располагались островом среди пахотного поля. Работали у меня несколько симпатичных старых дедов, служивших ещё в царской армии и помнящих с тех пор русский язык, меня они звали «начальник», по имени не хотели. Работали потихоньку, но регулярно. Вдруг по каким-то причинам деды перестали выходить на работу. Я побежала в сельсовет, обещали помочь. Каково же было мое изумление, когда на следующий день ко мне пригнали целую ораву младших школьников – шел уже сентябрь. И все были без единого инструмента. Конечно, я сразу же велела учительнице отвести их обратно, но она объяснила, что это – их урок труда и она не может его отменить. «Но они же ничего не смогут сделать», – убеждала я. «Смогут, смогут», – уверяла учительница. И она оказалась права! Эта мелюзга муравьями расползлась по раскопу и своими маленькими лапками начала энергично разгребать землю. Это было невероятное зрелище для глаз археолога. Но здесь это было допустимо, так как у меня не было чисто археологических задач, с фиксацией параметров и деталей погребения, нужно было лишь собрать коллекцию черепов. К тому же, грунт был необычайно легкий и сухой, верхние слои уже были сняты раньше лопатами, и дети рылись, как бы играя в песочнице.

Я очень сомневалась, уместна ли для детской психики работа на кладбище. Но предвидя неприятные чувства у жителей села в связи с раскопками, Павел заранее объявил, что захоронены – не предки, кладбище – турецкое, а к туркам в Молдавии исторически относятся крайне неприязненно. И у детей уже было выработано такое отношение. Поэтому мне оставалось только следить за детьми, которые, того и гляди, готовы были начать гонять черепа как футбольные мячи. Трудно поверить, но эти маленькие ручонки нагребли кучу черепов. Черепа – целые – то тут, то там выглядывали из-под земли, и я извлекала и упаковывала их. Ещё было много монет, которые дали возможность датировки. На следующий день пришел другой класс и всё повто-

рилось. А там и деды вернулись ... Усилиями старых и малых, современным, точнее близким к современности, материалом, – XVIII–XIX вв. – я была теперь обеспечена. Когда Павел приехал с ящиками, их едва хватило, чтобы все поместилось.

На этом пополнение необходимой коллекции могло остановиться – никто не копал могильников. Но теперь пришел на помощь Георгий Борисович. У него был отдаленный план, но он решил осуществить его раньше, если будет помощь, так как он сам продолжал работу в Алчедаре. Помощь нашлась, и начались раскопки славянского могильника. Этот памятник, как и славянские поселения на территории Прутско-Днестровского междуречья, был важен для воссоздания реальной картины этнического состава населения края. Дело в том, что существовало скептическое отношение к вопросу о присутствии славян на этой территории, хотя летописно место их расселения было точно обозначено: «седаху по Днестру». Речь идет о таинственных уличах и тиверцах, единственных из восточнославянских племен, которые археологически долго не были обнаружены. Однако исследованиями Георгия Борисовича Федорова именно это и было с блеском сделано. Теперь, в свете новых археологических данных, и антропология должна была сказать свое слово. В ходе раскопок Георгий Борисович осуществлял общее руководство, наезжая время от времени, на месте командовал Юра Чеботаренко, я ошастливленная, конечно, сразу примчалась. Помимо местных рабочих, как всегда у Георгия Борисовича оказался и разнообразный московский народ.

Могильник находился в средней части Молдавии, в окрестностях села Бранешты. Но базировались мы довольно далеко, в Требуженах, где уже была некоторая археологическая база. Это село располагалось в необычном, очень живописном месте, в долине реки Реут, где противоположная селу каменистая сторона долины поднималась над рекой отвесно и необычайно высоко. В части этой стены были когда-то каменоломни, образовавшие ряд пещер, использовавшихся в давние времена для устройства монастыря. В общем, пейзаж был совершенно горный. Над селом, на возвышенности, располагался средневековый город Старый Орхей, здесь издавна периодически велись раскопки. В большом дворе закрытой церкви в центре села обосновались археологи. На поляне ставились палатки, был небольшой школьный домик, который летом можно было использовать, а здание церкви служило складом археологических находок. Здесь наш отряд и разместился.

Машина возила на раскоп и обратно. Могильник располагался на широком и довольно низком берегу ручья. Грунт был тяжеловат, все черепа раздавлены, работы по сбору костных остатков у меня было много. Хорошо, что теперь у меня была только одна эта функция, а не все сразу, как с черняховцами в Будештах. Конечно, спешили успеть за сезон сделать как можно больше, но до конца могильник не вскрыли, пришлось отложить на следующий год.

На следующий год раскопки продолжились. Придя на раскоп первый раз мы были поражены увиденным – все земляные отвалы, большие и маленькие кучи, были покрыты сплошным зеленым ковром. Это была настоящая бахча! В прошлом году наши рабочие из местных потихоньку подворовывали арбузы с окрестных колхозных полей. Угощались, конечно, все. И семена выбрасывались всюду, попадая и на рыхлую землю отвалов, чтобы весной пуститься в рост. Потом они зацвели, это было красиво, но плодов мы уже не дождались.

В результате двухлетних раскопок у меня собралась вполне представительная серия, что позволяло сделать достаточно уверенные выводы. Прежде всего, бранеш-

тская серия оказалась в пределах изменчивости славянских групп в целом. Более того, после проведения сравнительного анализа данных по всем трем большим делениям славян, позволившего выявить их разграничительные признаки, появилась возможность уточнения места наших улчей-тиверцев, то есть говорить об их восточнославянской принадлежности. Наибольшую близость они показали с самыми западными группами восточной ветви.

При решении вопроса о происхождении славян неизбежно их сопоставление с черняховцами, поскольку временной разрыв между ними составляет всего лишь столетие, без каких-либо известных промежуточных этнических вклиниваний. Это породило в свое время взгляд на черняховскую культуру как раннеславянскую, несмотря на резко противоречащее этому различие материальных культур. Наши антропологические данные, свидетельствуя об отсутствии генетической связи между двумя этносами, подтверждают ошибочность этого убеждения.

Помимо моей статьи в институтском журнале «Советская этнография», о славянах Пруто-Днестровья в Кишиневе была издана небольшая книжка трех авторов: Г.Б. Федорова, Ю.Ф. Чеботаренко и М.С. Великановой. (*Великанова* 1964: 37–53; *Федоров, Чеботаренко, Великанова* 1984).

Итак, славянами у меня заполнилась ещё одна лакуна в списке необходимого, хотя пустых мест было ещё много, и все же, хотя и не спеша, удача ко мне приходила.

В 1964 году в Москве проходил 7-й Международный конгресс антропологов и этнографов. Я была секретарем в одной из секций и боялась, что не смогу уехать в Молдавию, а это было мне необходимо – отряд Прутско-Днестровской археологической экспедиции под руководством Юры Чеботаренко раскапывал могильник эпохи бронзы. Все же меня отпустили, правда, только на подготовительный период конгресса. Раскопки шли у села Калфа, в центральной Молдавии. Погребения располагались на очень высоком месте, выступом поднимающемся над более низким окружением. Поверхность выступа была испещрена следами войны – изрыта окопами, засыпана осколками, пустыми гильзами и прочим.

Раскопки не были успешными, погребений шло мало. Но Юра проявил упорство, раскопки продолжались, мой материал понемногу прибавлялся. К счастью, война не смогла потревожить погребения, они залегали довольно глубоко. Когда раскопки кончились, у меня всё-таки набралась небольшая серия эпохи бронзы.

Не помню, как в физике, но у меня одноименности притягивались друг к другу. Молдавская, еще молодая археология, не всегда могла обойтись собственными силами, поэтому часто работали коллеги из Москвы, Ленинграда. И вот, в следующий же сезон после Калфы ленинградский археолог из Эрмитажа Галина Ивановна Смирнова[□] начала исследование могильника тоже эпохи бронзы в северной части Молдавии, у села Старые Бедражи. Это была моя большая удача, конечно, я участвовала в раскопках. Памятник располагался на крутом берегу реки Прут, совсем рядом проходила государственная граница, представленная изгородью из колючей проволоки и вспаханной полосой. Невдалеке стояла ветхая деревянная наблюдательная вышка. Где-то дальше была застава, куда Галина Ивановна возила показывать наши документы. Жили, то есть по сути только ночевали, в селе.

Высокое место раскопа постоянно обдувалось ветрами, нередко сильными. Наши косынки, а главное, планы и другие бумаги подхватывались и норовили унести за границу, а сразу за границей шел крутой обрыв к реке. Так что угроза потери была

реальной и возникала не раз. Приходилось нарушать границу, спешно лезть через колючки и догонять перебежчика.

Раскопки оказались удачными, то есть результативными. Итак, у меня теперь был неплохой количественно материал ещё одной эпохи. Совсем кратко и упрощенно, результаты его исследования таковы. Сравнение данных из Калфы (срубная культура) и Старых Бедражей (культура Ноа) обнаружило достаточно большое сходство между ними. В обеих сериях представлен один и тот же так называемый протоевропейский тип, характеризующий в эпоху бронзы население степной полосы, вплоть до Енисея, и резко отличный от средиземноморского, представленного у предшествовавшего неолитического – трипольского – населения. Можно считать, что на протяжении II тысячелетия до н.э. в Прутско-Днестровском междуречье в результате наплыва пришельцев с востока, происходит смена населения.

Где-то в середине 60-х московский археолог Анна Ивановна Мелюкова¹, специалист по скифам, была приглашена на раскопки могильника, заподозренного в принадлежности к этой эпохе. Он располагался в центральной части Молдавии у села Ханска, в урочище Лимбарь. Анна Ивановна приехала с помощниками, я тоже принимала участие. Но увы, довольно быстро выяснилось, что памятник относится к гораздо более позднему времени – средневековью. Анна Ивановна была, естественно, разочарована, я тоже. Но мне в Молдавии годилось всё, все исторические и доисторические периоды. И великодушная Анна Ивановна – она вообще была прекрасным человеком – некоторое время еще продолжала раскопки.

Какой-то сверхпрограммный материал у меня набрался и раскопки прекратились. Но скифами Анна Ивановна меня все-таки порадовала. В конце 60-х годов она исследовала позднескифский могильник IV-III вв. до н.э. на восточном берегу Днестровского лимана у села Николаевка. Не помню почему, в раскопках я не участвовала. Но антропологический материал был собран и передан мне. К нему присоединились данные по скифам Бессарабии из публикаций румынского антрополога А. Донича, работавшего в 30-х годах.

О результатах исследования скажу кратко. Анализ обнаружил промежуточное положение поднестровских серий между скифами с территории Украины и фракийцами румынских земель, а также их внутригрупповую неоднородность, связанную с вхождением в их состав двух различных компонентов. Отличительные особенности этих компонентов совпадают с антропологическими характеристиками скифов и фракийцев. Все это говорит о смешанном, скифо-фракийском происхождении населения Поднестровья этого времени. Для левобережья Днестра не исключается возможность и греческой примеси. Поздние скифы заполнили собой последнюю незакрытую строчку в хронологическом списке необходимых материалов. Теперь можно было поставить завершающую точку в сборе и составлении первой палеоантропологической коллекции Прутско-Днестровского междуречья.

А могильник Лимбарь не оказался заброшенным и забытым. Им очень заинтересовался и продолжил раскопки Ваня Хынку, я получала добавочный к первоначальному материал. Ваня считал, что романские предки молдаван заселили эту территорию значительно раньше, чем это было принято в исторической науке, и теперь решил, что могильник Лимбарь принадлежит этим ранним молдаванам. Погребальный инвен-

¹ Мелюкова Анна Ивановна (1921–2004) – археолог, д-р ист. наук, скифолог. Руководитель Западно-Скифской экспедиции Института истории АН СССР с 1961 года.

тарь, очень скудный, не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу. Увы, мой материал её не подтверждал и западные связи не прослеживались. Напротив, он убедительно говорил о восточном происхождении людей, оставивших могильник, связанном с процессом передвижений из Юго-Восточной Европы. Я как-то очень быстро на этот раз написала и напечатала статью, не дожидаясь археологической публикации. Ваня был обижен смертельно. Мне, возможно, было бы интереснее получить выводы, совпадающие с его концепцией, но объективная реальность этого не позволяла...

С переопределением принадлежности памятника мне пришлось еще встретиться. Предполагаемый первоначально как черняховский могильник обнаружился на территории кукурузного калибровочного завода в г. Комрат в южной части Молдавии. Когда же я туда добралась, стало уже известно, что это не то, что подозревалось. Это были буджакские татары XVII века, ещё кочевавшие там в это время в составе Ногайской Орды. Никому из археологов татары не были нужны, но деньги на раскопки оставались. А меня заинтересовала необычная для татар долихокранная форма черепа, решила остаться и копать самостоятельно. Помнится, писала нашему заведующему Максиму Григорьевичу Левину – стоит ли? Он благословил.

Раскопки шли как в Варатике – без археологического документирования, что очень упрощало дело. И работала я не одна, был помощник – остался художник из состава уехавшей экспедиции.

Кто-то из археологов приезжал на некоторое время; помогал найти ящики, отправить груз и т.д. Так неожиданно вместо необходимых исторических периодов появились у меня татары. Но немного этот материал, как сравнительный, мне пригодился, а позже и еще более кому-то из новой смены антропологов.

Но были приезды в Молдавию, когда я не увозила ничего. Правда, поскольку необходимая коллекция уже понемногу в основном, собралась, больших переживаний не было, а новые места, новые общения были всегда интересны. Одно из таких мест – Данчены, где И.А. Рафалович¹ открыл черняховский могильник.

В те годы в Кишиневе активно работал Научный Совет по славяно-молдавским связям, руководил милейший Николай Андреевич Мохов², директор Института истории. Проходили ежегодные заседания, типа конференций. Я была членом Совета, ездила с докладами. Так вот, после одного такого заседания, я отправилась в Данчены. Не помню, по каким причинам не случилось полноценного вскрытия могильника. Оно шло крайне медленно. В работе сейчас был участок с редкими сожжениями. Мне оставалось только ждать, однако нужных мне результатов я так и не дождалась. Но были уже черняховцы из Малаешт и Будешт, так что пережила и не жалела о потерянном времени, тем более, что в качестве утешения в неудачах по работе Изя организовывал много интересного и дни в Данченах запомнились.

Мне давно хотелось исследовать могильники средневекового Старого Орхея. В 1960-м году начались небольшие пробные раскопки. Тогда еще не было экспедиционной базы в Требуженах. Организовать работу и быт помог, как всегда, Павел. Он сам собирался всерьез заняться Старым Орхеем и был заинтересован в разностороннем его исследовании.

¹ Рафалович Исаак Александрович (1929–1979) – молдавский археолог, научный сотрудник Института истории АН Молд.ССР, канд. ист. наук с 1968 г. Труды по археологии черняховской и славянской культур.

² Мохов Николай Андреевич – историк, член-корр. АН МолдССР, занимал руководящие должности в Институте истории. Труды по истории формирования молдавского народа.

Что-то накопалось тогда понемногу на двух кладбищах. Уезжая из Старого Орхея, я знала, что я ещё вернусь сюда.

Но пока передо мной стояла другая задача. Предстояло собрать материал, который представлял бы все основные этапы истории края. Это заняло много лет. Я запаслась терпением, хотя расположенные ко мне коллеги в эти годы не раз советовали ограничиться тем, что уже есть на данный момент и защищаться. Георгий Францевич не уставал торопить меня с защитой, хотя и говорил, что это труднее, чем «тащить из болота бегемота». «Бегемота-то я бы зараз выволок» – это строчка из письма с извинением за низкий стиль. Но я знала, что на моем месте он себе поблажки не дал бы никогда, у него были всегда самые высокие критерии во всём. И я, верная ученица, стойко выдерживала намеченную программу.

Но все-таки, я считаю, что мне везло, могло сложиться хуже, и еще дольше не наступал бы день, когда я, наконец, могла сказать себе, что программа сбора материалов выполнена. Но этот день наступил.

Результаты исследований, которые представляли динамику состава населения региона на протяжении от энеолита до современности, были подытожены в книге «Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья» и была защищена кандидатская диссертация (Великанова 1975).

Теперь я могла вернуться к Старому Орхею. За прошедшие годы Павел возобновил когда-то давно проводимые исследования этого средневекового города. Он очень основательно и серьезно начал подготовку, организовал там настоящую археологическую базу. В центре Требужен, в обширном дворе закрытой церкви был построен дом, переоборудована маленькая тоже закрытая школа, приспособлено для работы с материалами и хранения находок помещение церкви. В Старом Орхее стал работать вновь созданный отряд археологической экспедиции. Так что теперь я была в Требуженах не одна, как в 1960 году.

Предстояло продолжить раскопки, начатые тогда и заново вскрыть кладбище XVII века. На раскопках последнего помощников у меня оказалось много. Володя Окушко¹, стоматолог из Кишинева, готовил диссертацию о кариесе, в том числе, его историю. Ему нужны были мои краниологические материалы, и он приезжал ко мне в Москву работать с ними. Я направила его, кроме того, в Музей антропологии МГУ, где были обширные коллекции. И вот теперь он решил поучаствовать и в раскопках и обследовать зубы прямо на месте.

Приехал со своими двумя дочками, я привезла свою, была и еще одна помощница, так что говорить о скуке во время совместной работы на раскопе не приходилось. Молодежный отряд иногда так отвлекался от дела, что приходилось его слегка подгонять, но в целом помощь была очень существенна.

На раскопках более раннего могильника в Старом Орхее я была опять с дочерью. Она уже была совсем взрослая и не только помогала, но и по-настоящему выручала – заменяла меня на раскопе, когда я болела, других помощников в тот год не было.

Раскопки в Старом Орхее были последними успешными, дальше пошли неудачи, о чем я уже упоминала. В Требужены я теперь приезжала лишь на пару дней, на отдых при каких-то вынужденных остановках в работе в других местах.

---

¹ Окушко Владимир Ростиславович (1933–2018) – стоматолог, д-р мед. наук, профессор. Работал в Кишиневском мед. ин-те, позже заведовал кафедрой Донецкого мед. ун-та, в последние годы – зав. кафедрой в Приднестровском Гос. ун-те.

По итогам наших работ в Старом Орхее мы с Павлом планировали издать в соавторстве книгу, где он пишет основные разделы – историю и археологию, и я – состав населения. Труд наш уже завершился, когда пришли 90-е годы, круто всё изменившие. Теперь издать в Кишиневе московского автора стало невозможно. Но мало того, что от Молдавии была отставлена я, на Павла, с его «русофильством» посыпались неприятности. Мне не оставалось ничего другого, как объединить мои главы по Старому Орхею в собственную книжку, что-то конечно, переработав и добавив. На издание в те годы и в Москве рассчитывать не приходилось, но сотрудник нашего Института Юра Симченко¹ организовал какое-то внутриинститутское издательство, которое многих выручало, в том числе и меня. Вся подготовка к печати велась целиком самим автором, не было ни редактора, ни корректора, но книги выпускались полноправные. Такие были времена. Книжка объемом 13,9 п.л., под названием «Антропология средневекового населения Молдавии» на свет появилась (*Великанова* 1993). Павел попросил прислать с оказией 10 экземпляров, что я и сделала. Возможно, неприятностей это ему прибавило.

Так же, как и первую книгу, ее, к сожалению, не увидел Георгий Францевич, «крестный отец» моей работы в Молдавии. Правда, он знал мои статьи по отдельным главам, и вероятно, судя по ним поставил в Госплан издание еще не существующей монографии по палеоантропологии Молдавии. Ни слова не сказав мне об этом. Узнала много позже, уже после его ухода, с полной неожиданностью для себя...

Не раз посещала тогда горькая мысль, что была неправа, не послушавшись в своё время шефа и не доставила ему удовольствия от защиты и издания книги ученицы. Но ведь руководствовалась его собственными принципами и установками, т.е. в данном случае – иметь максимально возможный, хронологически наиболее полный спектр материалов. А поскольку это зависело не столько от меня, сколько от планов археологов, то и долго откладывалось завершение моей молдавской темы. Сейчас, в 90-е она закрывалась совсем и тоже по независящим от меня причинам. Но теперь позади уже был 25-ти летний труд, результаты которого были уложены в две книжки, где вторая дополняет и продолжает первую.

Итак, что же мы имеем после этих 25-ти лет моей работы в Молдавии?

Целью всех исследований было проникнуть в прошлое этого края, увидеть его прежде всего в антропологическом ракурсе, а также рассмотреть, насколько возможно, как полученные данные отражают и этногенетические процессы. Кратко суммирую итоги, ссылаясь уже на тексты книг, и перехожу неизбежно на слегка другой язык.

В эпоху энеолита, представленную трипольской культурой (а возможно, и в более раннее время) территория Прутско-Днестровского междуречья антропологически составляла часть ареала, охватывающего балкано-карпатскую географическую область. Принадлежностью к одному и тому же средиземноморскому кругу форм, этот ареал объединяется со Средней Европой и Средиземноморьем. С этими областями, таким образом, оказывается связанным и Пруто-Днестровье. Однако уже и в этот период здесь в небольшой степени улавливается влияние племен, принадлежащих иной антропологической общности – палеоевропейскому населению Восточной Европы.

Эпоха бронзы показывает другую картину. Восточное влияние усиливается в такой степени, что Прутско-Днестровское междуречье может рассматриваться уже

¹ Симченко Юрий Борисович (1935–1995) – этнограф, д-р ист. наук, член РАЕН, исследователь народов Севера. Работал в Институте этнографии АН.

как часть ареала протоевропейского типа, связанного с кругом степных культур Северного Причерноморья (и более восточных областей). Местный энеолитический средиземноморский субстрат уже неощутим, будучи либо вытесненным, либо полностью растворившимся в новой антропологической среде.

Таким образом, от неолита к бронзе на территории Прутско-Днестровское междуречья наблюдается смена преобладающих влияний и связей. Однако произошедшая смена не закрепляется в некое стабильное положение. Создается впечатление, что рассматриваемая область уже в этот период выступает как своего рода пограничье между племенами восточного степного мира, с одной стороны, и населением балкано-карпатских земель – с другой, испытывая попеременно доминирующее воздействие, то тех, то других.

Особенно отчетливо это проявляется в скифское время, когда население Прутско-Днестровское междуречья по физическому типу имеет смешанный характер, где компонентами смешения выступают с одной стороны фракийские племена, антропологически относящиеся к средиземноморцам балкано-карпатской области, а с другой – скифы как представители восточной степной зоны, потомки протоевропейского по типу населения более ранних эпох.

В первые века нашей эры на территории Пруто-Днестровья по-прежнему улавливается взаимодействие двух разных антропологических областей, двух миров – западного и восточного. Источниками этого взаимодействия этнически оказываются потомки гето-фракийского населения балкано-карпатских земель и сарматы, сменившие скифов в стенах Северного Причерноморья. Именно таким составом представлено население черняховской культуры, где к основному пласту, представленному средиземноморским типом, в небольшом количестве примешан брахикранный элемент, близкий к типу некоторых сарматских групп. Соотношение компонентов заставляет при выборе определяющего направления генетических воздействий отдавать предпочтение связям со средиземноморским антропологическим ареалом.

В конце I – начале II тысячелетия – время, достаточно близкое к современности на территории Прутско-Днестровского междуречья все ещё не наблюдается антропологической стабильности. В физическом типе обитающих здесь в этот период славян отсутствует преемственность с предшествующим черняховским населением. Антропологические данные говорят о восточном, а именно, восточнославянском направлении родственных связей славян Поднестровья и указывают на близость к наиболее западным из групп восточных славян.

Другие группы средневекового населения Пруто-Днестровья (Лимбарь, XII–XIV вв.) также не имеют местных корней и связаны по происхождению с одним из этапов процесса передвижений в эту эпоху из Юго-Восточной Европы.

Связи с Востоком не могли не обнаружиться и в Старом Орхее, входившим в XIV веке в состав Золотой Орды, границы которой доходили в это время до Прута. Золотоордынское население города показало – как и в других областях – смешанное евро-монголоидное происхождение, однако в отличие от центра Орды – Нижнего Поволжья, монголоидный элемент здесь невелик и проявляется в виде слабой примеси. Но и основной европеоидный компонент этой группы связан с восточными по отношению к Пруто-Днестровью областями – Северным Причерноморьем, Крымом, Подоньем, Поволжьем, включившись в золотоордынский поток на его пути к западу.

С уходом Золотой Орды и особенно с возникновением в середине XIV века Молдавского княжества, в Пруто-Днестровье усиливается миграционный поток с запада: восточно-романское население – волохи из района Карпатских гор и славяне-русипы из Галичины и Подолии.

Анализ имеющихся в литературе данных позволил выявить определенное антропологическое единство населения Карпато-Дунайских земель в период XII–XIV вв., в пределах которого выделились две ветви наиболее тесно связанных групп. Одна объединяет большинство исторических областей района, другая – группы из Молдовы (историческая область, граничащая с Прутско-Днестровским междуречьем). Антропологическая дифференциация свидетельствует таким образом о достаточно раннем времени сложения молдавского своеобразия, обязанного своим происхождением восточнославянскому воздействию.

Исследованная в Старом Орхее серия XV века, входя в круг групп Карпато-Дунайского региона, наибольшую близость обнаруживает к серии из Молдовы, выделяясь рядом черт восточнославянского влияния. Кроме того, эта староорхейская группа обнаруживает некоторые следы пребывания здесь её предшественников – золотоордынцев, в основном – европеоидного компонента, привнесенного из европейского Юго-Востока.

Эти особенности в Старом Орхее проявляются и позже – в XVI–XVII вв., с той лишь разницей, что восточные влияния прослеживаются только в виде слабых реминисценций, выявляемых статистическим анализом. Процесс взаимодействия смешивающихся этно-антропологических компонентов идет по пути нарастания роли европейских слагаемых – романского и славянского, и растворения третьего, восточного.

Итак, проведенное исследование приводит к заключению о характерной особенности региона. Начиная с древних времен Пруто-Днестровье выступает как территория, лежащая на стыке двух больших разнородных антропологических ареалов, один из которых охватывает в основном Северное Причерноморье, а другой балкано-карпатские земли. Пруто-Днестровье как бы связывает области Северного и Западного Причерноморья.

В той степени, в какой в антропологических данных отражаются этно-исторические события, можно считать, что такое положение отражает и своеобразие исторических процессов на территории Прутско-Днестровского междуречья, с попеременным преобладанием то западного, то восточного направления влияний, связей, общности исторических судеб. В разные периоды Пруто-Днестровье проявляет тяготение к разным областям, включаясь то в одну, то в другую из них, но испытывая в то же время определенное влияние и с противоположной стороны, что с ранних времен подтверждается и особенностями развития материальной культуры края. Можно считать, что с этой, прослеживаемой в ряду эпох спецификой, непосредственно связаны и особенности физического облика современного населения региона.

Таковы были итоги моей работы в Молдавии.

В 1994 году закончилась моя работа в Институте этнографии и тем самым оборвалось и мое общение с Молдавией. Тем не менее чувства горькой утраты не было, хотя за 25 лет тесной связи я успела очень привязаться к этой земле. Но я уже была невольной подготовлена к неизбежному концу – всем ходом жизненных событий последних лет. И это были не только политические пертурбации начала 90-х. Уже 80-е принесли много перемен.

Прекратил своё существование «Научный Совет по славяно-волошским связям», не стало его организатора и руководителя Н.А. Мохова. Заседания Совета, обсуждающие важные исторические вопросы, были очень полезны для меня. Проходили всегда в очень дружелюбной обстановке, несмотря на нередкое расхождение взглядов. По окончании, ждали приятные сюрпризы гостеприимства; например, Николай Андреевич мог пригласить московскую гостью в театр, были поездки в Институт виноделия на дегустацию бесподобных молдавских вин и так далее.

Да и вообще прежняя атмосфера была необратимо нарушена. Из мира молдавской археологии, так или иначе, уходили люди, которые как бы создавали особый, благоприятный «фон» в моей работе. Их, непосредственно связанных с Молдавией, естественно, более, чем московских коллег, интересовали мои результаты. Обсуждения, споры, так же как их мнение и одобрение, были для меня ценны и важны.

Грустно писать обо всём этом. Но мне всё же не хочется завершать свой рассказ на такой невеселой ноте. Тем более, что в моём сознании, моей памяти, последние годы моего соприкосновения с Молдавией занимают очень мало места. Помнятся времена лучшие, когда все рабочие задачи с чем я сюда приезжала, проходили и решались в атмосфере какого-то душевного отдыха, несмотря на неизбежно возникавшие трудности. Возвращаясь в Москву, совсем не ощущала потребности в отпуске. И это притом, что были проблемы со здоровьем, не позволявшие, например, наслаждаться вкусной национальной едой, фруктами, и вообще создававшие определенные неудобства. Но это как-то не имело значения. И осталась для меня Молдавия дорогим воспоминанием, страной, прежде всего, очень близкой – мне казалось, что я видела и знаю её всю, работая и на Днестре, и на Пруте, на севере и на юге.

А еще осталась страной без пасмурной погоды, страной ослепительного солнца и постоянного тепла, которое я встречала и ощущала и в природе, и в людях.

И страной благодатного ветра, который на круче над Прутом был так нужен, когда солнце чересчур обласкивало непривычную северянку.

И страной бескрайних полей и виноградников по сторонам дороги, всегда ухоженных и красивых, любованье которыми из окон машины делало незаметным и сокращало время в пути.

И конечно, страной большого гостеприимства, встреч с интересными и доброжелательными людьми самых разных сфер, многие из которых оказали важную помощь в моей работе.

И за все эти щедроты, включая те, что сохранила для моих исследований её «черна», её земля, благодарность Молдавии всегда жива в моей душе.

Научная литература

- Великанова М.С. Антропологический материал Выхватинского могильника // *Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. Материалы и исследования по археологии СССР* / под ред. Т.С. Пассек, 1961. №84. С. 213–226.
- Великанова М.С. *Антропология средневекового населения Молдавии: по материалам памятника Старый Орхей*. М: ИЭА РАН, 1993. 260 с.
- Великанова М.С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья // *Советская этнография*, 1964. №6. С. 37–53.
- Великанова М.С. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии // *Антропологический сборник III. Труды Института этнографии*, 1961. №71. С. 26–52.

- Великанова М.С. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. М: Наука, 1975. 263 с.
- Великанова М.С. У каждого из нас оставался в душе и памяти свой Георгий Францевич // *Вестник антропологии*, 1996. Вып. 2. С. 12–29.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. *Бранештский могильник X–XI вв.* Кишинев: Штиинца. 1984.

References

- Velikanova*, M.S. 1961. Antropologicheskii material Vykhatinskogo mogil'nika // *Rannezemledel'cheskie (tripol'skie) plemena Podnestrov'ia. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* / edited by T.S. Passek [Anthropological material of the Vikhvatinsky burial ground] 84: 213–226.
- Velikanova*, M.S. 1993. *Antropologiiia srednevekovogo naseleniia Moldavii: po materialam pamiatnika Staryi Orkhei* [The anthropology of the medieval population of Moldova: on the materials of the monument Old Orhei]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, 1993. 260 p.
- Velikanova*, M.S. 1964. K antropologii srednevekovykh slavian Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia [Anthropology of the medieval Slavs of the Prut-Dniester interfluve] // *Sovetskaia etnografiia* 6: 37–53.
- Velikanova*, M.S. 1961. Paleoantropologicheskii material iz mogil'nikov cherniakhovskoi kul'tury Moldavii [Paleoanthropological material from the burial grounds of the Chernyakhov culture of Moldova] // *Antropologicheskii sbornik III. Trudy Instituta etnografii*. 71: 26–52.
- Velikanova*, M.S. 1975. *Paleoantropologiiia Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve]. Moscow: Nauka. 263 p.
- Velikanova*, M.S. 1996. U kazhdogo iz nas ostavalsia v dushe i pamiatii svoi Georgii Frantsevich [Each of us remained in the soul and memory of our George Frantsevich] // *Vestnik antropologii*. 2: 12–29.
- Fedorov*, G.B., G.F. *Chebotarenko*, and M.S. *Velikanova*. 1984. *Braneshitskii mogil'nik X–XI vv.* [Braneshit burial ground X – XI centuries]. Kishinev: Shtiintsia, 1984.

Marina S. Velikanova. On the creation of a single paleoanthropological collection (abbreviated version of the manuscript «Moldovan Memories»)

The article outlines the complex ways of collecting a unique paleo-anthropological collection from the territory of the Prut-Dniester interfluve, which is stored in the Cabinet of Anthropology of the CPA IEA RAS. The essay describes individual episodes of the development of Moldavian archeology events that began more than half a century ago and lasted for 25 years. The content of the essay is made up of vivid everyday details of work in archaeological expeditions and the results of paleoanthropological studies that depict the formation of the anthropological characteristics of the Moldovan population, as well as how the data obtained reflects ethnogenetic processes.

Key words: *Moldavia, Prut-Dniester interfluve, paleoanthropology, archaeological cultures: Tripoli, Chernyakhov; Scythians, Sarmatians, Slavs, Moldovans, Budzhak Tatars*